

Куда боятся ступить ангелы

Культура. — 1995. — 25 июня. — 1 июля (№ 25). — С. 8.

“Атлантический балет”

в Московском дворце молодежи

Гастроли

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Французский культурный центр продолжает свои “хореографические университеты”, последовательно и неутомимо знакомя нашу публику с современным пластическим искусством Франции. Каждая гастроллирующая труппа оттаивает свой взгляд на мир и на движение, свой стиль и почерк. Тем неожиданнее оказалось решение “Атлантического балета” Режи́н Шопино из города Ла-Рошель показать в Москве “чужой” спектакль — “Прыжок ангела” Доминика Багуэ/ушедшего из жизни три года назад.

Танцоры труппы Режи́н Шопино старательно восприняли пластический рисунок, придуманный в расчете на другие индивидуальности. Возможно, энергетика восстановленного спектакля стала иной. Но точные пластические акценты, продуманные до микрона, не позволяют менять настроения. Балансируя между веселостью и тревогой, актеры воссоздали на сцене мир Багуэ — раннего и трогательного художника, в чьи “владения” нет входа посторонним.

В первые минуты зрителю неутоно в пространстве этого спектакля. Режут глаз острые углы

локтей и коленей, стопы, уродливо свернутые внутрь, неестественные рыбки головой, нхляющие бедра — кажется, тела танцовщиков отчаялись обрести спокойствие и гармонию. Они будут “косноязычны” до тех пор, пока не зазвучит музыка (Вариации Бетховена на темы “Волшебной флейты” Моцарта). Движения, организованные мелодией, — словно маленькие стихотворные фрагменты среди лепета еще не говорящего ребенка, пытающегося объяснить то, что известно только ему. Вечные дети — ангелы и клоуны затевают игры без притворств среди декораций, нарисованных словами и огоньками иллюминаций.

Танцовщицы и танцовщики выходят к микрофону и рассказывают о тех далеких и счастливых местах, где все площади просторны, краски чисты, тени отчетливы и нет горизонта. Воображаемые пейзажи навсегда остановили время в воскресенье, во второй половине дня.

Действие спектакля с трудом поддается переменам, отпугивает изуряющими повторами корявых движений. В “Прыжке ангела” Багуэ говорил сам с собой и не хотел, чтобы его понимали. Так может вести себя человек, разуверившийся в людском сочувствии.

Персонажи вспоминают мир, лишенный опыта, стремятся освободить и постичь его без посто-

ронней помощи. Все нарочито неправильно, абсурдно, парадоксально. Каждый умиляется и печален в своем упорстве стать балериной, солдатиком, куклой-испанкой, обезьянкой или ковбоем. И каждый оказывается всего лишь сломанной игрушкой в проволочном городе — объектом гигантской инсталляции сценографа Кристиана Болтански.

Жесты регламентируют взаимоотношения. Гусиные лапки, кисти ключиком, пингвинный походки втягивают в ребяческие игры, заставляют подражать животным.

Багуэ просил каждого артиста пластически пересказать самое яркое впечатление детства. А сам, напевное, вспоминал, как рвал в клочки цветную бумагу, разбрасывал ее фейерверком, складывал в мозаику. Соло, дуэты, массовые танцы — неправильные формы с шершавыми краями — бесчисленные варианты расположения пятен и точек. Сомнительное стремление найти покой в беспорядке.

Радость и свобода для Багуэ — тождественны детскости. Уход в детство — попытка отгородиться

от несправедливой реальности. Но прекрасная скорлупа ненадежна, в ее трещинах чернеют безысходность, тоска, душевный надлом. Музыка Бетховена внушает свои эмоции, переживания, проясняет содержание спектакля — мир взрослеет и становится понятнее.

Порой Багуэ слишком жесток со своими персонажами. После игр и забав он оставляет их в одиночестве, совершенно растерянными и подавленными. Улыбка оборачивается оскалом. Попытки вернуть миру наивность тщетны. Вместо типичной и классической музыки звучат убийственно-произительные тромбозы (композитор Паскаль

Дюсанэн). Вместо легких шалостей неистовствуют тапц-топот и тапц-бег. Осознавать настоящее, отказываться от иллюзий мучительно. Воздух становится свинцовым, мешает движениям. Чужой ветер случайно заносит круг вальса, классический пируэт или арабеск. Опять намеки, недомолвки, речь, обращенная в себя...

И вдруг — отчетливый финал. В спектакле, подчиненном путаной логике сна, он подобен внезапному вскрику. Прыжок. Падение. Уход в бездну. Целевая гибель хрупкого света.

Сцена из балета “Прыжок ангела”